

ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ БРОНЗЫ ЭПОХИ ХУННУ В ТУВЕ

Леус Павел Михайлович
Научный сотрудник,
Институт истории материальной культуры РАН.
Россия, г. Санкт-Петербург.
leuss@mail.ru

Аннотация

Во II–I вв. до н. э. Тува оказывается в составе кочевой империи Хунну. Происходит постепенная смена населения, приходят новые культурные традиции и материальная культура, что выражается в смене археологических культур. В это время в Туве появляются яркие образцы искусства хунну – ажурные бронзовые пряжки с зооморфным и геометрическим орнаментом. До недавнего времени их находки в Туве были практически неизвестны. В ходе последних работ ТАЭ ИИМК РАН по берегам и на дне Саяно-Шушенского водохранилища при раскопках непо потревоженных грунтовых могильников Ала-Тей 1 и Терезин была получена большая коллекция ажурных пряжек в хуннском стиле, а также другие предметы этой эпохи – ханьские зеркала и монеты, предметы вооружения и украшения, керамика. Помимо известных среди ордосских бронз вариантов пряжек, здесь встречаются и абсолютно уникальные, не имеющие прямых аналогий экземпляры. Это говорит о высоком уровне мастеров металлообработки и позволяет считать территорию Тувы одним из центров создания и распространения изделий этого типа.

Ключевые слова: Тува, хунну, сюнну, ажурные бронзы, ордосские бронзы, звериный стиль.

Библиографическое описание для цитирования:

Леус П.М. Художественные бронзы эпохи хунну в Туве // Искусство Евразии. – 2019. – № 3 (14). – С. 50-65. DOI: 10.25712/ASTU.2518-7767.2019.03.003. [Электронный ресурс] URL: <https://readymag.com/u50070366/1483113/9/>

Во II веке до н. э. в Центральной Азии начинается процесс глобальных этнокультурных изменений. В первую очередь это было вызвано усилением кочевого народа хунну и созданием им своего государственного образования, заслуженно называемого первой кочевой империей Евразии [5, с. 40-47]. В это время хунну становятся грозными соперниками ханьского Китая, вынужденного считаться с их силой. Для предотвращения набегов к хунну отправлялись посольства с богатыми дарами, китайские принцессы выдавались замуж за паньбюев, а в приграничных городах

открывались рынки для торговли с «северными варварами». Периодически в степи отправлялись китайские армии, далеко не всегда достигавшие там военных успехов.

Закат империи хунну начался в результате внутренних междоусобиц, приведших сначала к их разделению на южных и северных, а затем и к окончательной утрате ими влияния в Центральной Азии. Их место в I веке н. э. занимают племена сяньби, а сами хунну постепенно исчезают с исторической арены.

В эпоху расцвета государства хунну в сферу их влияния входит и регион Саяно-Алтая, в частности Тува. Начало этих событий следует связывать с северным походом шаньюя Модэ (Маодуня), в результате чего к началу II в. до н. э. хунну завоевывают территории своих северных соседей [12, с. 41]. Местные племена, носители скифской культурной традиции, вероятно, частично изгнаны или уничтожены завоевателями, а частично вошли в состав хуннского государства и постепенно ассимилированы. Яркий «скифский мир», существовавший здесь более чем полтысячелетия, окончательно исчезает, уступая место миру хунно-сяньбийскому, или, применительно к западной части евразийских степей, гунно-сарматскому.

Эти исторические события отражаются в смене археологических культур в Туве: уюкско-саглынская культура с коллективными захоронениями в деревянных срубках и материальной культурой скифского типа исчезает, ее сменяет улуг-хемская [2, с. 99; 4, с. 127], отличающаяся разнообразными типами индивидуальных погребальных сооружений и вещевым комплексом, характерным для хунну.

В ходе работ Тувинской археологической экспедиции Института истории материальной культуры РАН (далее – ТАЭ ИИМК РАН) по берегам и на дне Саяно-Шушенского водохранилища были открыты и продолжают исследоваться два непо потревоженных древними грабителями грунтовых могильника эпохи хунну – Ала-Тей 1 и Терезин, расположенные в 4,5 км друг от друга¹. Здесь получен значительный материал, подтвердивший выделение отдельной улуг-хемской археологической культуры, обладающей всеми необходимыми для этого основными признаками: ареал распространения, погребальный обряд и предметы материальной культуры, отличающиеся от предшествующих и последующих культур региона [4, с. 125-152]. На Ала-Тее преобладает вытянутое положение погребенных, узкие могильные ямы, деревянные гробы с каменной обкладкой или каменные ящики. На Терезине, напротив, практически все захоронения совершены на боку, с подогнутыми ногами, в каменных ящиках или простых грунтовых ямах. Среди инвентаря встречаются сероглиняные вазовидные сосуды с вертикальным лощением и квадратным следом от поворотной подставки на дне, костяные накладки на лук и наконечники стрел, железные пряжки на обувь, китайские зеркала, бронзовые ажурные пряжки, ложечковидные наконечники ремней, гравированные или инкрустированные пластины-пряжки из сибирского гагата и т. д., что находит прямые параллели в памятниках хунну в соседних регионах. В то же время иногда прослеживается и некоторая культурная преемственность: встречающаяся скорченная поза погребенных и их ориентация в западный сектор, использование каменных плиток-подушек под головами, костяные пряжки и красноглиняные

¹ Работы проводятся при поддержке «Общества по изучению Евразии» (Society for the Exploration of EurAsia) (Швейцария), а также, с 2018 года, Русского географического общества.

вазовидные сосуды – характерные черты заключительного, озен-ала-белигского этапа уюкско-саглынской культуры скифского времени в Туве.

Одним из ярчайших образцов искусства хунну являются поясные ажурные (т. е. со сквозным орнаментом) пряжки, распространившиеся во II–I вв. до н. э. на территориях, оказавшихся в сфере их культурного влияния. Основным материалом их изготовления была бронза, но встречаются и золотые экземпляры, настоящие шедевры древнего искусства. На пряжках присутствует геометрический и зооморфный орнамент, сцены терзания, борьбы и противостояния различных животных, в том числе фантастических существ, изображения людей, колесниц и пр. Прямоугольные пряжки, или пластины-пряжки, называемые так из-за их формы, обычно имеют орнаментированную рамку, обрамляющую изображенный сюжет. Сама прямоугольная форма пряжек и их большой размер свидетельствуют, вполне вероятно, о несколько другом устройстве пояса, отличном от предшествующего времени.

Поясной набор у многих народов Евразии являлся и является важной деталью костюма, будучи не только функциональной частью одежды, но и, нередко, показателем определенного статуса его владельца.

Вопрос происхождения прямоугольных ажурных пряжек остается открытым, но можно согласиться с гипотезой о возникновении некоторых из них на пограничных с Китаем территориях, населенных «северными варварами» [19, р. 188]. Сам стиль пряжек мог быть частично заимствован из китайских образцов или развиваться самостоятельно с определенным китайским влиянием. В то же время могло происходить и обратное явление, когда в Китай проникали определенные элементы «степной моды», принесенные туда военными или жителями приграничных городов. Некоторые сюжеты могли быть взяты и переработаны из образцов скифского звериного стиля, ведущих происхождение, вероятно, из искусства Передней Азии [7, с. 133-134]. Тем более, какая-то часть скифо-сакских племен наверняка состояла в составе конфедерации хунну. Первоначально изготовление пряжек могло выполняться в китайских литейных мастерских, тем более что находки керамических форм для литья пряжек в «степном стиле» известны в приграничных регионах Китая в поздний период Сражающихся царств [17, р. 92-93]. После попадания к кочевникам такие изделия начинали копироваться местными мастерами, они же могли создавать и свои самобытные варианты дизайна. После потери источников поступления оригинальных предметов качество их копий, вероятно, быстро ухудшалось, изделия упрощались, а местными мастерами копировались даже фрагменты сломанных вещей, как например, часть китайского зеркала из могильника Терезин [13, с. 105]. Иногда в погребениях находят лишь незначительные фрагменты пряжек-пластин, тем не менее украшавших собой пояса погребенных: такие случаи есть на могильнике Ала-Тей 1 (погребения АТ1/23 и АТ1/104²) и в Минусинской котловине [3, с. 20, 24]. Таким образом, можно предполагать, что подобные пряжки были не только утилитарным или декоративным элементом парадного пояса, но и являлись своеобразным символом этнической, клановой или социальной принадлежности.

---

² Здесь и далее сокращение названия памятников: АТ1 – Ала-Тей 1, Т – Терезин, через черту дробы – номер объекта/погребения.

Распространение бронзовых ажурных пряжек могло происходить разными путями: в первую очередь, вместе с их обладателями в результате завоевательных походов хунну и сопутствующего переселения племен и групп населения, но также и через торговые связи или посольства с подарками. Находки ажурных пряжек известны на всей территории империи хунну и за ее пределами – есть они в Северном Китае, Монголии, Забайкалье, Минусинской котловине и т. д.

До недавнего времени территория Тувы оставалась регионом, где находки ажурных пряжек хуннского типа были практически неизвестны. Исключением являлась бронзовая фигурная пряжка из могильника Урбюн III с изображением схватки крылатого грифона с кошачьим хищником [11, с. 104-108] (рис. 1). Сюда же можно отнести и случайную находку фрагмента прямоугольной пряжки, хранящейся в Национальном музее Республики Тыва [9; 4] (рис. 2). На ней изображена сцена нападения грифона или феникса на копытное животное, лошадь или яка (ее верхняя часть не сохранилась). Примечательно, что местонахождения двух этих пряжек находятся буквально в нескольких километрах от могильников Терезин и Ала-Тей.

*Рис. 1. Пряжка из могильника
Урбюн III. Бронза.*

*Рис. 2. Пряжка из Национального
музея Республики Тыва. Бронза.*

К настоящему моменту на Ала-Тее и Терезине получена коллекция из более чем 25 больших ажурных бронзовых пряжек (размеры прямоугольных пряжек-пластин достигают 13-14 x 6-7 см), а также 15 гравированных и инкрустированных пряжек из сибирского гагата и кости (гагатова́я пряжка из АТ1/29 имеет внушительный размер – 18 x 9 см). Все они, за исключением нескольких экземпляров из разрушенных

водохранилищем погребений Терезина, обнаружены *in situ* на поясах погребенных. Причем, все большие прямоугольные пластины-пряжки из бронзы, кости и гагата происходят из женских погребений.

Среди пряжек, найденных в Туве, присутствуют не только уже известные науке варианты, но и абсолютно уникальные образцы, аналогий которым в соседних регионах пока не обнаружено. Здесь же найдены небольшие прямоугольные бляшки из бронзы, иногда повторяющие сюжет больших пряжек – подобные находки в других памятниках хунну также практически неизвестны. Стандартными поясными бляшками для Ала-Тея и Терезина можно считать ажурные экземпляры с орнаментом в виде шести лучей, расходящихся от центра к прямоугольной рамке, размером 4 x 3 см (рис. 3). На поясе может быть как одна, так и несколько штук, поэтому их общее количество на двух могильниках уже превышает сотню.

Рис. 3. Шестилучевая бляшка из АТ1/50.
Бронза.

Наиболее массовые пластины-пряжки с изображением двух противостоящих яков в большинстве случаев отличаются размерами и проработанностью деталей, т. е. отливались в разных формах или по разным образцам. Как показывают результаты металлографического анализа бронзовых изделий из Ала-Тея и Терезина, большинство их было изготовлено на месте [13, с. 107]. Все это позволяет отнести территорию Тувы к одному из центров распространения и создания изделий такого типа, что подразумевает высокий уровень местных мастеров металлообработки и литейного дела. О высоком уровне древних металлургов говорит и состав бронзы, из которой изготовлено большинство пряжек и других предметов – это мышьяковистая бронза, где процент мышьяка в лигатуре довольно высок, до 10-15%, а иногда выше. Такое содержание мышьяка придавало законченному изделию золотисто-серый или серебристо-серый оттенок, вероятно, с целью добиться наибольшего сходства с цветом свинцово-оловянистой бронзы, характерной для предметов, имеющих непосредственно китайское происхождение [13, с. 105-107]. К сожалению, невозможно сказать, были это мастера из числа самих кочевников или же мастера, бежавшие или угнанные из Китая.

На Ала-Тее и Терезине на сегодняшний день найдено уже 10 экземпляров пряжек с изображением двух противостоящих яков (рис. 4). Все они имеют рамку, украшенную прямоугольными углублениями. Опущенные вниз морды животных показаны анфас. Хвосты с «кисточкой» на конце загнуты на спину. Длинная свисающая шерсть передана каплевидными фигурами.

1

2

*Рис. 4. Сверху – пряжка с изображением двух яков из АТ1/11. Бронза.
Снизу – пряжка с изображением двух яков из Т/13. Бронза.*

Аналогии встречаются, главным образом, на территории Минусинской котловины в виде случайных находок [1, с. 82-83; 3, с. 20-21], одна пряжка найдена в погребении эпохи ранней Хань (II–I вв. до н. э.) в Манчжурии [16, р. 221, pl. 17]. Несколько случайных находок происходят, вероятно, с территории Внутренней Монголии [14, р. 419; 18, № 222]. В Забайкалье пряжки подобного типа пока неизвестны. Ранее центром распространения таких пряжек считалась Минусинская котловина, но сейчас, после находок из могильников Терезин и Ала-Тей 1, можно уверенно предполагать, что их путь туда шел из Тувы. Учитывая их количество, а также находки здесь нескольких других вариантов пряжек с яками, можно предполагать за ними не только декоративные функции: возможно, они являлись своеобразным символом принадлежности к какой-то определенной социальной или этнической группе. Из могильника Терезин происходят две небольшие поясные бляшки из бронзы, также с изображением пары яков – вполне вероятно (рис. 5), что они являются упрощенным вариантом большой пряжки.

Уникальная пряжка с изображением двух яков происходит из погребения АТ1/111 (рис. 6). Она отличается от предыдущих и пока не находит прямых аналогий. Животные изображены в профиль и выглядят мирно пасущимися. Их удлиненные опущенные вниз морды практически касаются носами друг друга, а рог одного заходит за рог другого. Хвосты с листовидными кисточками закинута на спину. Шерсть внизу показана двумя большими каплевидными фигурами. Рамка со шпеньком имеет орнамент в виде двух переплетающихся волнистых линий. Подобный сюжет с двумя

противостоящими пасущимися животными встречается на некоторых пряжках из Северного Китая и Минусинской котловины – там известны варианты с верблюдами и лошадьми. Возможно, сам сюжет идентичен предыдущему, с парой яков, но выполнен в другой манере.

Рис. 5. Бляшка с изображением двух яков из Т/5. Бронза.

Рис. 6. Пряжка с изображением двух яков из АТ1/111. Бронза.

Рис. 7. Пряжка с изображением яка из АТ1/23. Бронза.

Еще одна уникальная пряжка с необычным изображением яка была найдена в парном погребении АТ1/23 (рис. 7). Морда животного показана здесь анфас, а тело как бы распластанным. Пряжка довольно массивная и имеет в разрезе выпуклую форму, в отличие от многих других пряжек-пластин, которые, в основном, плоские. Прямых аналогий этой пряжке пока не обнаружено, но похожие изделия известны в Ордосе [16, pl. 6].

Одним из наиболее ярких образцов древнего искусства является прямоугольная пряжка со сценой борьбы двух тигров и дракона из могильника Терезин (Т/12) (рис. 8). Один тигр кусает змеевидного дракона чуть ниже шеи, а тот, в свою очередь, вонзает свои острые зубы в его спину. Второй тигр кусает дракона за хвост. Тело дракона переплетает еще какое-то существо, видовую принадлежность которого трудно установить. Находки подобных пряжек довольно редки, но при этом известны не только экземпляры из бронзы, но и пара массивных золотых и даже вариант, изготовленный из темного нефрита. Змеевидный дракон, несомненно, восходит к китайской художественной традиции, поэтому можно предполагать китайское происхождение этого сюжета.

Рис. 8. Пряжка с изображением схватки двух тигров и дракона, Т/12. Бронза.

Помимо этого, в захоронениях Ала-Тея и Терезина найдены пряжки с изображением четырех извивающихся змей, с решетчатым орнаментом, как украшенным по краям головками ланей, так и без них (рис. 9). Их аналогии хорошо известны в Минусинской котловине, в основном среди случайных находок.

Довольно редкий сюжет, встречающийся на пряжках, – изображение пары стоящих друг напротив друга двугорбых верблюдов, обедающих листья с растущего между ними дерева или куста с переплетенным стволом (АТ1/21) (рис. 10). Этот сюжет распространен еще на нескольких типах пряжек. Они могут несколько отличаться самим изображением верблюдов, иногда показанных очень реалистично, но совершенно очевидно передают один сюжет, возможно, мифологический или имевший некий общеизвестный для кочевников смысл [15, s. 144-146, taf. 29-32]. В центре композиции находится невысокое деревце или куст с двойным переплетенным стволом, ветви которого с листьями на концах расходятся в верхней части влево и вправо, они показаны на фоне фигур верблюдов, стоящих головой друг к другу. Подобный сюжет встречается, хотя и реже, с изображением других персонажей: пряжка с драконообразными существами из могильника Даодуньцзы в Китае [16, pl. 31, 4], лошадьми [16, pl. 21, 7] и неизвестными животными [16, pl. 38, 2].

1

2

3

Рис. 9. 1 – Пряжка с изображением змей из АТ1/43, бронза; 2 – пряжка с решетчатым орнаментом и головками ланей из Т/5, бронза; 3 – пряжка с решетчатым орнаментом из АТ1/2, бронза.

Рис. 10. Пряжка с изображением двух верблюдов из АТ1/21. Бронза.

Лошадь, являющаяся одним из наиболее важных животных для кочевника, также встречается на пряжках. Найдено два экземпляра с изображением пары кусающихся лошадей Пржевальского (из АТ1/42 и Т/31) (рис. 11). Одна лошадь кусает загривок другой, которая, в свою очередь, кусает ее за переднюю ногу. Все пространство между телами животных и простой прямоугольной рамкой заполнено каплевидными

углублениями и волнистыми пересекающимися линиями, что придает композиции дополнительный эффект движения.

Рис. 11. Пряжка с изображением двух лошадей Пржевальского из АТ1/42. Бронза.

Вместе с такой пряжкой из Т/31 находился богатый поясной набор, состоящий из пяти чередующихся бронзовых колец и пяти бляшек с решетчатым орнаментом, ажурной колоколовидной подвески, многочисленных бус и бисера, которыми могла быть расшита основа пояса. Сам пояс располагался довольно высоко, выше обычного расположения поясов у других погребенных. На уровне непосредственно поясницы была найдена большая костяная пряжка-пластина, являющаяся, возможно, частью чисто утилитарного пояса, находившегося под верхней одеждой, тогда как пояс с бронзовыми деталями мог быть парадным. Также в одном из разрушенных водохранилищем погребений Терезина найдена маленькая поясная бляшка из бронзы, повторяющая сюжет большой пряжки с кусающимися лошадьми. Помимо этого, в двух захоронениях Ала-Тея встречены фрагменты небольших пряжек с изображением лошади с подогнутыми ногами.

В одном из женских погребений Ала-Тея были обнаружены две парные пряжки (со шпеньком и без) с изображением двух фантастических, идущих в разные стороны драконообразных существ с рогами и мордами козлов и с переплетенными хвостами (АТ1/47) (рис. 12). Аналогии известны, главным образом, в Северном Китае и Внутренней Монголии.

Рис. 12. Пара пряжек с изображением фантастических существ из АТ1/47. Бронза.

Помимо прямоугольных бронзовых пластин-пряжек на могильниках Ала-Тей и Терезин встречаются и фигурные пряжки со сквозным орнаментом. Причем, они могут находиться и в мужских погребениях.

Уникальна круглая поясная пряжка из разрушенной водохранилищем, предположительно, мужской могилы Т/8, украшенная изображением голов грифонов (рис. 13.1). Ее диаметр 8,5 см. Внутри кольца имеется девять отверстий, образованных четырьмя головками ушастых грифонов на длинных изогнутых шеях. Еще две головки грифонов выступают за пределы кольца и фланкируют место крепления ремня. Уши грифонов имеют листовидную форму, глаза – круглые, клювы сильно загнуты вниз. Вся композиция построена на принципах симметрии. Прямые аналогии ей пока не известны. Стилистически она может восходить к искусству скифской эпохи, но уже с элементами новых культурных традиций. Пара фигурных пряжек, также украшенных стилизованными головками грифонов, обнаружена в мужском захоронении АТ1/84 (рис. 13.4). Стилистически близкие ей аналогии известны в Дырестуйском могильнике в Забайкалье [8, рис. 17.10]. Еще один вариант фигурной пряжки происходит из женской могилы АТ1/59 (рис. 13.2).

Рис. 13. 1 – пряжка из Т/8, бронза; 2 – пряжка из АТ1/59, бронза; 3 – пряжка из АТ1/57, бронза; 4 – пряжка из АТ1/84, бронза.

Пряжка в виде двух голов горных козлов, смыкающихся рогами и образующих внешнюю рамку со шпеньком, была найдена в женском погребении АТ1/57, совершенном в деревянном гробу (рис. 13.3). Аналогичная пряжка известна из могильника Сибирка на Северо-Западном Алтае [10, с. 104]. Очень похожее изображение козерогов обнаружено на двух пряжках для обуви в мужском погребении АТ1/97. Небольшие круглые железные пряжки для обуви характерны для большинства мужских захоронений Ала-Тее 1 и неизвестны в женских. Они находятся на стопах погребенных и служили, вероятно, для крепления затягивающего ремешка. Бронзовые обувные пряжки, оформленные в зверином стиле, встречены в Туве впервые.

У некоторых пластин-пряжек сохранилась деревянная подкладка или основа, представлявшая собой небольшую дощечку с бортиками, размером чуть больше самой пряжки. Бронзовая пряжка помещалась в эту основу и закреплялась в ней ремешками через сквозные отверстия. Вероятно, подобную деревянную основу имели все или большинство пряжек этого типа, но она не всегда сохраняется. Подобную деревянную подкладку имела и пряжка из Урбюна III, а также пряжки-пластины из Дырестуйского могильника в Забайкалье [8, с. 34].

Интересным является тот факт, что пока, за исключением двух случаев (АТ1/47, АТ1/101), пластины-пряжки в Туве встречаются в погребениях только по одной. В забайкальских памятниках хунну они, в основном, парные. Одиночные пряжки встречаются как со шпеньком, иногда проработанным довольно слабо, так и без него, что связано, вероятно, с первоначальным образцом, с которого изготавливалась литая копия.

Таким образом, найденные в Туве пластины-пряжки вряд ли использовались непосредственно для застегивания пояса, а были скорее его центральным декоративным элементом и крепились к нему (даже в случае находки парных экземпляров в одном погребении) посредством тонких кожаных ремешков или другим подобным способом. Остатки этих ремешков сохраняются практически на всех больших бронзовых пряжках. Примечательным является наблюдение, что в обоих случаях нахождения парных пряжек на Ала-Тее 1 одна из них была перевернута вверх ногами. Кожаная основа поясов украшалась ажурными бронзовыми бляшками, имитациями раковин каури, китайскими монетами, бусами, бисером и подвесками. Обязательной деталью были бронзовые или железные кольца, обычно простые маленькие, но иногда ажурные, большего диаметра. Во многих мужских погребениях найдены бронзовые ложечковидные наконечники ремней, иногда украшенные зооморфным орнаментом.

Часть пряжек из Тувы соответствует экземплярам, найденным в Минусинской котловине, часть забайкальским или монгольским и китайским, которые, в свою очередь, неизвестны в Минусинской котловине. Таким образом, территория Тувы оказывается своеобразным связующим звеном между регионами Внутренней Азии и Саяно-Алтая, оказавшимися в это время в сфере влияния хунну и распространения их культурных и художественных традиций. Наиболее близкие аналогии тувинским находкам встречаются в таких археологических памятниках эпохи хунну, как Дырестуйский могильник в Забайкалье и могильник Даодуньзцы в Северном Китае, где также встречено значительное количество бронзовых пряжек в хуннском стиле, в том числе идентичных найденным в Туве.

Можно предполагать, что эти высокохудожественные изделия появляются в Туве на относительно короткий срок и маркируют непосредственно эпоху смены культурных традиций и ее активных участников – самих носителей материальной культуры хунну, находившихся в это время на пике своего могущества [4, с. 149]. Неслучайна и концентрация известных памятников эпохи хунну именно в западной части Улуг-Хемской котловины в Центральной Туве, у входа в Саянский каньон Енисея. Во все исторические эпохи это место имело как экономическое, так и военно-стратегическое значение. Здесь, вероятно, было начало одного из путей продвижения хунну на север, в Минусинскую котловину. Подобное значение могла иметь и лежащая северо-западнее долина в нижнем течении р. Хемчик, где также можно предполагать наличие археологических памятников улуг-хемской культуры, впрочем, пока не обнаруженных.

Время бытования больших ажурных пряжек в Туве можно ограничить II–I вв. до н. э., что подтверждается радиоуглеродным AMS-датированием погребений Ала-Тей и Терезина [6, с. 183-184], а также некоторыми категориями погребального инвентаря. Основу коллекции найденных здесь китайских зеркал составляют экземпляры, характерные для династии Западная Хань (II–I вв. до н. э.), а также несколько более ранних, относящихся к окончанию эпохи Сражающихся царств. Найдено и несколько позднескифских зеркал. При этом, здесь пока нет ни одного более позднего, восточно-ханьского (I–II вв. н. э.) зеркала. Китайские монеты у-шю встречены пока только в одном погребении (AT1/29) и дают для него *terminus post quem* 118 г. до н. э.

Литература

1. Бородовский А.П., Ларичев В.Е. Июсский клад (каталог коллекций). – Новосибирск: ИАЭ СО РАН, 2013. – 120 с.
2. Грач А.Д. Новые данные о древней истории Тувы // Ученые записки ТНИИЯЛИ. –1971. – Вып. 15. – С. 93–106.
3. Дэвлет М.А. Сибирские поясные пластины II в. до н.э. – I в. н.э. – М.: Наука, 1980. – 67 с.
4. Килуновская М.Е., Леус П.М. Новые материалы улуг-хемской культуры в Туве // Археологические вести. – 2018. – Вып. 24. – С. 125–152.
5. Крадин Н.Н. Империя Хунну. – М.: Логос, 2001. – 312 с.
6. Леус П.М. Радиоуглеродные даты из хуннских могильников Ала-Тей и Терезин в Туве // Междисциплинарные исследования в археологии, этнографии и истории Сибири. – Красноярск, 2017. – С. 181-184.
7. Миняев С.С. Новейшие находки художественной бронзы и проблема формирования «геометрического стиля» в искусстве сюнну // Археологические вести. – 1995. – Вып. 4. – С. 123-136.
8. Миняев С.С. Дырестуйский могильник. – СПб.: Филол. факультет СПбГУ, 2007. – 233 с.
9. Монгуш К.М. Уникальная находка ажурной пряжки со сценой терзания из Центральной Тувы (предварительное сообщение) // Современные проблемы изучения древних и традиционных культур народов Евразии. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2017. – С. 144-147.

10. Полосьмак Н.В. Некоторые аналоги погребениям в могильнике у деревни Даодуньцзы и проблема происхождения сюннуской культуры // Китай в эпоху древности. – Новосибирск: Наука, 1990. – С. 101-107.
11. Савинов Д. Г. Погребение с бронзовой бляхой в Центральной Туве // КСИА. – 1969. – Вып. 119. – С. 104-108.
12. Таскин В.С. Материалы по истории сюнну (по китайским источникам). – М.: Наука, 1968. – 177 с.
13. Хаврин С.В. Металл эпохи Хунну могильника Терезин I (Тува) // Археологические вести. – 2016. – Вып. 22. – С. 105-107.
14. Brosseder U. Belt Plaques as an Indicator of East – West Relations in the Eurasian Steppe at the Turn of the Millennia // Xiongnu Archaeology: Multidisciplinary Perspectives of the first Steppe Empire in Inner Asia. – Bonn: Vor- und Frühgeschichtliche Archäologie, Rheinische Friedrich-Wilhelms-Universität, 2011, pp. 349-424.
15. Kost C. Studien zur Bildpraxis im nordchinesischen Steppenraum vom 5. Jahrhundert v. Chr. bis zur Zeitenwende. Inaugural-Dissertation zur Erlangung des Doktorgrades der Philosophie an der Ludwig-Maximilians-Universität München. – München, 2011. – 245 s.
16. Kost C. The Practice of Imagery in the Northern Chinese Steppe (5th-1st centuries BCE). – Bonn: Vor- und Frühgeschichtliche Archäologie, Rheinische Friedrich-Wilhelms-Universität, 2014. – 401 p.
17. Linduff K. Production of Signature Artifacts for the Nomad Market in the State of Qin During the Late Warring States Period in China (4th-3rd Century BCE) // Metallurgy and Civilisation: Eurasia and Beyond. – London: Archetype Publications, 2009, pp. 90-96.
18. Rawson J., Bunker E. Ancient Chinese and Ordos bronzes. – Hong Kong: Oriental Ceramic Society, 1990. – 68 p.
19. Wu En. On the origin of bronze belt plaques of ancient nomads in Northern China // Chinese Archaeology. – 2003. – Vol. 3 (1), pp. 186-192.

Статья поступила в редакцию 05.09.2019 г.

DOI: 10.25712/ASTU.2518-7767.2019.03.003

ART BRONZE OF THE HUNNU PERIOD IN TUVA

Leus Pavel Mikhailovich
Researcher,
Institute of the History of Material Culture,
Russian Academy of Sciences.
Russia, St. Petersburg.
leuss@mail.ru

Abstract

In the II–I centuries BC Tuva is part of the nomadic Hunnu empire. A gradual change of population takes place, new cultural traditions and material culture come, which is expressed in a change in archaeological cultures. At that time, bright examples of Hunnu art appeared in Tuva - openwork bronze buckles with zoomorphic and geometric patterns. Until recently, their findings in Tuva were virtually unknown. The Tuvan archaeological expedition of the Institute of the History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences carried out work on the banks and at the bottom of the Sayano-Shushensky reservoir. During archaeological excavations of undisturbed soil burial grounds Ala-Tey 1 and Terezin, a large collection of openwork buckles in the Hunnic style was obtained, as well as other objects of this era – Han mirrors and coins, weapons and jewelry, ceramics. In addition to the buckle variants known among the Ordos bronzes, there are also absolutely unique specimens that have no direct analogies. This indicates a high level of metalworking masters and allows us to consider the territory of Tuva as one of the centers for the creation and distribution of products of this type.

Keywords: Tuva, Hunnu, Xiongnu, openwork bronzes, Ordos bronzes, animal style.

Bibliographic description for citation:

Leus P.M. Art bronze of the Hunnu period in Tuva. *Iskusstvo Evrazii – The Art of Eurasia*, 2019, No. 3 (14), pp. 50-65. Available at: <https://readymag.com/u50070366/1483113/9/> DOI: 10.25712/ASTU.2518-7767.2019.03.003. (In Russian).

References

1. Borodovsky A.P., Larichev V.E. *Iyusskii klad (katalog kolleksii)* [Iyusky treasure (catalog of collections)]. Novosibirsk, Institute of Archeology and Ethnography of SB RAS, 2013. 120 p.
2. Grach A.D. *Novye dannye o drevnei istorii Tuvy* [New data on the ancient history of Tuva]. In: *Uchenye zapiski TNIIYaLI* [Scientific reports of Tuva Scientific Research Institute of Language, Literature and History]. Kyzyl, 1971, Vol. 15, pp. 93–106.
3. Devlet M.A. *Sibirskie pojasnye plastiny II v. do n.e. – I v. n.e.* [Siberian waist plates of the 2nd century BC – I century AD]. Moscow, Nauka, 1980. 67 p.
4. Kilunovskaya M.E., Leus P.M. *Novye materialy ulug-khemskoi kul'tury v Tuve* [New materials of the Ulug-Khem culture in Tuva]. *Arkheologicheskie vesti – Archaeological News*, 2018, Issue 24, pp. 125–152.
5. Kradin N.N. *Imperiya Khunnu* [Empire of Hunnu]. Moscow, Logos, 2001. 312 p.

6. Leus P.M. *Radiouglerodnye daty iz khunnskikh mogil'nikov Ala-Tei i Terezin v Tuve* [Radiocarbon dates from the Hunnic cemeteries Ala-Tey and Terezin in Tuva]. In: *Mezhdistsiplinarnye issledovaniya v arkeologii, etnografii i istorii Sibiri* [Interdisciplinary studies in archeology, ethnography and the history of Siberia]. Krasnoyarsk, 2017, pp. 181-184.
7. Minyaev S.S. *Noveishie nakhodki khudozhestvennoi bronzy i problema formirovaniya «geometricheskogo stilya» v iskusstve syunnu* [The latest finds of artistic bronze and the problem of the formation of the «geometric style» in the art of Xiongnu]. *Arkeologicheskie vesti – Archaeological News*, 1995, Vol. 4, pp. 123-136.
8. Minyaev S.S. *Dyrestuiskii mogil'nik* [Dyrestuisky burial ground]. St. Petersburg, St. Petersburg State University, 2007. 233 p.
9. Mongush K.M. *Unikal'naya nakhodka azburnoi pryazhki so stsenoi terzaniya iz Tsentral'noi Tuvy (predvaritel'noe soobshchenie)* [A unique find of an openwork buckle with a scene of torment from Central Tuva (preliminary report)]. In: *Sovremennye problemy izucheniya drevnikh i traditsionnykh kultur narodov Evrazii* [Modern problems of studying the ancient and traditional cultures of the peoples of Eurasia]. Novosibirsk, IAET SB RAS, 2017, pp. 144-147.
10. Polosmak N.V. *Nekotorye analogi pogrebeniyam v mogil'nike u derevni Daodun'tszy i problema proiskhozhdeniya syunnuskoj kul'tury* [Some analogues of burials in the burial ground near the village of Daodunzi and the problem of the origin of the Hunnic culture]. In: *Kitai v epokhu drevnosti* [China in the era of antiquity]. Novosibirsk, Nauka, 1990, pp. 101–107.
11. Savinov D.G. *Pogrebenie s bronzovoi blyakhoi v Tsentral'noi Tuve* [Burial with a bronze badge in Central Tuva]. *Kratkie soobshcheniya Instituta arkeologii – Brief reports of Institute of Archeology*, 1969, Issue 119, pp. 104-108.
12. Taskin V.S. *Materialy po istorii syunnu (po kitaiskim istochnikam)* [Materials on the history of the Xiongnu (according to Chinese sources)]. Moscow, Nauka, 1968. 177 p.
13. Khavrin S.V. *Metall epokhi Khunnu mogil'nika Terezin I (Tuva)* [Metal of the Hunnu era of the Terezin I burial ground (Tuva)]. *Arkeologicheskie vesti – Archaeological News*, 2016, Issue 22, pp. 105-107.
14. Brosseder U. *Belt Plaques as an Indicator of East – West Relations in the Eurasian Steppe at the Turn of the Millennia // Xiongnu Archaeology: Multidisciplinary Perspectives of the first Steppe Empire in Inner Asia*. Bonn: Vor- und Frühgeschichtliche Archäologie, Rheinische Friedrich-Wilhelms-Universität, 2011, pp. 349–424.
15. Kost C. *Studien zur Bildpraxis im nordchinesischen Steppenraum vom 5. Jahrhundert v. Chr. bis zur Zeitenwende*. Inaugural-Dissertation zur Erlangung des Doktorgrades der Philosophie an der Ludwig-Maximilians-Universität München. München, 2011. 245 s.
16. Kost C. *The Practice of Imagery in the Northern Chinese Steppe (5th-1st centuries BCE)*. Bonn: Vor- und Frühgeschichtliche Archäologie, Rheinische Friedrich-Wilhelms-Universität, 2014. 401 p.
17. Linduff K. *Production of Signature Artifacts for the Nomad Market in the State of Qin During the Late Warring States Period in China (4th-3rd Century BCE) // Metallurgy and Civilisation: Eurasia and Beyond*. London: Archetype Publications, 2009, pp. 90-96.
18. Rawson J., Bunker E. *Ancient Chinese and Ordos bronzes*. Hong Kong: Oriental Ceramic Society, 1990. 68 p.
19. Wu En. *On the origin of bronze belt plaques of ancient nomads in Northern China // Chinese Archaeology*, 2003, Vol. 3 (1), pp. 186–192.

Received: September 5, 2019.